
Н. С. РОЗОВ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Различение социальной динамики, исторической динамики и эволюции

В социально-исторической действительности всегда происходят какие-то изменения. Есть изменения рутинные, которые порождаются социальными структурами и воспроизводят их. Они могут интересовать социологию повседневности, но они не составляют ни социальную, ни историческую динамику.

Социальная динамика включает существенные изменения конкретных социальных структур (групп, сообществ, организаций, институтов и т. д.), а также социально значимых качеств индивидов. «Социальное» здесь понимается в широком смысле, поэтому демографические, экономические, политические, культурные, религиозно-идеологические, технологические изменения также входят в социальную динамику.

Историческая динамика – это обобщенная социальная динамика, рассмотренная при отвлечении от конкретных социальных структур с фокусом внимания на изменениях охватывающей целостности (например, общества или цивилизации) в более продолжительном отрезке времени.

Социальная эволюция представляет собой результат следующей ступени абстрагирования: здесь уже мы отвлекаемся от конкретных обществ. Эволюционно значимы изменения (как правило, необратимые) вне зависимости от того, в каких именно обществах они произошли¹.

¹ Л. Е. Гринин и А. В. Коротаев выделяют также макроэволюцию «как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются крупные и крупнейшие изменения (инновации), которые оказали важнейшее влияние на ход исторического процесса в целом, а не только на историческую судьбу отдельных обществ и цивилизаций» (Гринин, Коротаев 2008а: 66).

В качестве поясняющего примера возьмем бурные события в СССР и «лагере социализма» конца 1980-х – начала 1990-х гг. Как правило, люди каждый день ходили на работу и в магазины, встречались, разговаривали, посещали театры, смотрели телевизор. Все это относится к рутинным процессам, входит в режимы социального функционирования, обозначается как *практики*, но не входит ни в социальную, ни в историческую динамику.

В каждой стране был свой расклад политических сил, поддерживающих их социальных групп и слоев, своя конфигурация союзов и противостояний, своя траектория борьбы за власть, в результате которой прежние правящие группы сменились другими, произошли значительные изменения во множестве государственных институтов, в законодательстве и т. п. Все эти изменения составляют *социальную (в большей мере политическую) динамику*.

Если же отвлечься от конкретных групп и институтов, то можно говорить об *исторической динамике*: крупных изменениях в политическом и социально-экономическом устройстве, доминирующем мировоззрении каждого общества.

Наконец, можно отвлечься и от специфики исторических изменений в каждой стране, говорить об общих тенденциях, закономерностях трансформации социалистических режимов; таков *социально-эволюционный взгляд*.

Оправдание подхода и границы применимости модели

История как реальность полна сложности, разнообразий, случайностей, неповторимых явлений, множества скрытых и косвенных связей. Каждый, кто хоть в малой степени прикасался к реальному историческому материалу, хорошо знает это и с большим недоверием относится к любым претензиям на «универсальность». Как оправдать саму идею построения универсальной модели исторической динамики? Как далеко может простираться ее «универсальность»? Каковы границы ее применимости?

В философском и научном познании есть два главных способа преодоления сложности: переход к более общей точке зрения («укрупнение зернистости», как говорят в Институте сложности в Санта-Фе) и переход к более высоким абстракциям (что на философском языке называется онтологизацией).

Радикальное применение этих процедур к любым историческим изменениям приводит к простой онтологической схеме: некоторые целостности (под ними могут подразумеваться семьи, группы, поселения, города, провинции, общества, миросистемы, цивилизации, все человечество) либо относительно стабильны, либо переживают существенные сдвиги, трансформации. Эти изменения мы рассматриваем с точки зрения сохранения целостности и ее жизнеспособности. Возможен возврат к прежней стабильности, возможен распад – разрушение целостности, возможен переход к более высокому уровню стабильности – существенному (часто необратимому) росту устойчивости по отношению к последующим внешним или внутренним возмущениям.

Данная онтологическая схема, собственно, и очерчивает границы применимости универсальной модели исторической динамики. Далее под целостностью² мы будем подразумевать главным образом *общество* – совокупность поселений с тройным единством: политико-правового режима (вождество, полития, империя, национальное государство), мер обмена (денег и их аналогов) и языка (языков) социального взаимодействия (Розов 2002: гл. 3). Модель не отражает то, что происходит внутри стабильных обществ, она предназначена только для осмысления существенной динамики: когда общество выходит из равновесия, но потом к нему возвращается (пошаговые эволюционные изменения), когда общество распадается (тогда нужно говорить уже о новых целостностях и их динамике) и когда оно выходит на новый уровень развития (эволюционный скачок)³.

В истории России последних 4–5 веков только считанные десятилетия можно представлять как стабильность, да и то с большой долей условности. Российская история полна и кризисами разной глубины, вплоть до распадов государственности, и триумфами,

² С некоторыми поправками модель применима к целостностям других социальных масштабов, как больших (мировые регионы, цивилизации, мир-экономики), так и меньших (провинции, крупные города).

³ Интеграцию обществ обычно можно описывать как территориальный рост общества-лидера (завоевателя). Редкие случаи равноправных федеративных объединений (Нижние земли Голландии, кантоны Швейцарии, 13 первых штатов США, земли Германии, объединенные Бисмарком) концептуализируются как выход на новый уровень объединенного развития нескольких прежних обществ (обычно результатов распада прежних целостностей).

резкими территориальными расширениями, внушительным ростом могущества, и возвратами к прежним формам – известной циклическостью (Розов 2011: гл. 7–10). Это свидетельствует о перспективности применения модели исторической динамики к анализу истории России (а также ее настоящего и будущего).

Модель будем представлять как совокупность фаз (периодов с единой логикой изменений) и переходов между фазами.

Такие фазы, как стабильность, вызов, ответ, упадок, расцвет, дополним концептами с обширным объяснительным потенциалом: факторы исторической динамики, конфликты, кризис, мегатенденции «лифт» и «колодец», социальный резонанс и мобилизация, динамическая стратегия, системная трансформация (= эволюционный скачок = социальный ароморфоз). Соединив все эти элементы в единой логике фазовых переходов, получаем универсальную модель исторической динамики. Рассмотрим поочередно ее основные фазы, переходы между фазами и образуемые контуры.

От стабильности к вызову, компенсаторные ответы

Фаза 1 «Стабильность» означает воспроизводство одних и тех же социальных структур, практик, режимов в течение некоторого периода.

Фаза 2 «Действие факторов исторической динамики» указывает на подверженность стабильности многообразным внешним и внутренним эффектам, которые концептуализируются как следующие факторы:

- *материальные* (спонтанные или техногенные изменения природной среды, дефицит ресурсов, технические изобретения и заимствования и т. д.);
- *социальные* (внутренние классовые, этнические и иные напряжения и конфликты, внешние угрозы и влияния, геополитические и геоэкономические возможности);
- *культурные* (следствия автономной динамики развития идей, религий, идеологий и иных символических систем, геокультурные влияния и возможности обратного влияния);
- *психологические* (связанные с динамикой массовой и групповой психологии, а при особых социально-политических условиях также с индивидуальной психологией лидеров влиятельных групп).

Эти группы факторов детально описаны в книге (Розов 2002: гл. 3). Несколько в ином порядке и терминологии, но примерно в той же идеологии факторы исторической динамики представлены в работах А. В. Коротаева и Л. Е. Гринина (Коротаев 1997; Гринин, Коротаев 2008а; 2008б).

Некоторые новации и заимствования (технологические, социальные, культурные) закрепляются в практиках и социальных структурах, другие отвергаются. В результате этого позитивного и негативного отбора (механизмы и закономерности которого вполне можно выявить для разных обществ в разных периодах развития) отдельные компоненты по-прежнему стабильной социальной системы могут изменяться, соответственно есть обратный переход от фазы 2 к фазе 1 (рис. 1) – таков первый контур, задающий наиболее медленные эволюционные изменения.

Рис 1. Контур пошаговых частичных изменений в рамках сохранения стабильности социальной системы

Факторы динамики нередко имеют деструктивный характер, нарушают режимы функционирования, не компенсируются частичными новациями и заимствованиями, ведут к накоплению сбоев и угроз, что рано или поздно проявляется в *вызове* (рис. 2).

Фаза 3 «Вызов» здесь определяется как дискомфорт влиятельных групп, он настолько существенный, что его уже нельзя игнорировать. Особый упор на влиятельные группы сделан по той простой причине, что нарастающий дискомфорт групп невлиятельных (вплоть до бедствий и мора) может игнорироваться в рамках достаточно большого общества до тех пор, пока опять-таки не заденет интересы влиятельных групп. Очевидно, что с повышением уровня партисипаторности (таково антропологическое расширение понятия демократичности) растет состав влиятельных групп.

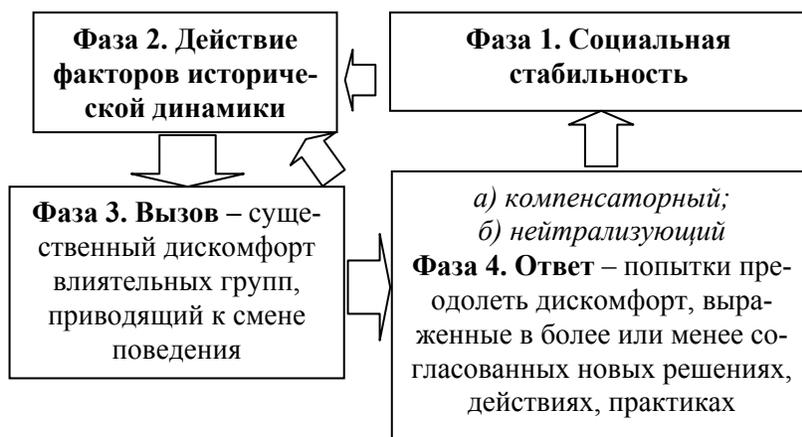

Рис. 2. Контур возврата к стабильности через вызов и компенсаторный ответ

Строго говоря, влиятельные группы не тождественны акторам, хотя пересечение велико. Не все влиятельные группы способны на автономные социально значимые стратегии, некоторым нужны коалиции, чтобы стать действительными акторами. Сами же акторы нередко включают не только влиятельные группы (лидеров, организаторов), но и большое количество рядовых участников, исполнителей, которых вряд ли можно считать влиятельными. С учетом этих оговорок будем далее пользоваться терминами «акторы» и «влиятельные группы» как взаимозаменяемыми, а разводить их только по мере необходимости.

Лидерам и группам приходится принимать решения, изменять свое поведение и каким-либо образом воздействовать на остальные группы населения, то есть предпринимать ответные стратегии, что и составляет фазу 4 «Ответ».

Адекватный компенсаторный ответ (4а) уменьшает на время, сглаживает дискомфорт вызова, возвращает к действию базовых факторов, вызывающих напряжения и готовящих новые вызовы (фаза 2). Со временем компенсаторные ответы уже становятся невозможны.

Адекватный нейтрализующий ответ (4б) прекращает, существенно снижает действие самих базовых факторов, ведущих к вызо-

ву, приводит к закреплению новых социальных практик, соответствующей постепенной модификации социальных структур и режимов. Такого рода ответы возвращают стабильность (фаза 1) и продлевают ее.

Многократное прохождение цикла фазовых переходов 1–4 трактуется тоже как пошаговое, эволюционное изменение системы, но теперь оно уже лишено непрерывности, как в первом контуре, и перемежается явно выраженными вызовами и ответами на них.

Неадекватные ответы – путь к конфликтам, кризисам и распаду

Неадекватный ответ (4в) не преодолевает вызов, напротив, может усугублять его деструктивное воздействие. Как правило, при этом пробуждаются старые или появляются новые социальные, политические, этнические, сепаратистские конфликты, вплоть до гражданских войн, мятежей и революций. Также усиливаются внешние геополитические угрозы, повышается вероятность войн и отпадения территорий. Вполне закономерно *фаза 5 «Конфликты»* ведет к усилению вызовов, которые теперь уже обретают статус кризиса – *фазы 6* (рис. 3).

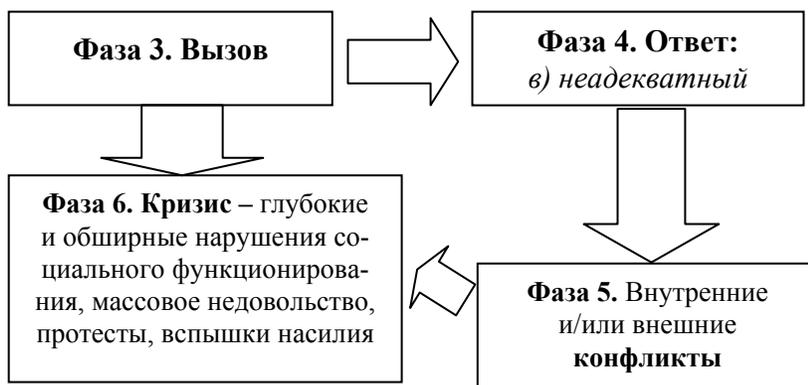

Рис. 3. Контур эскалации кризиса и конфликтов вследствие неадекватных ответов. Остается возможность избегания распада системы и возврата к стабильности

Ясно, что неадекватные ответы состоят из ошибочных действий; почему же эти ошибки делаются, воспроизводятся, почему от них сразу не отказываются? Априорно можно дать как минимум три объяснения:

– во-первых, какой-то не самый значимый, но видимый влиятельным группам, их лидерам аспект вызова нейтрализуется, приводя при этом к *незапланированным деструктивным последствиям*;

– во-вторых, в прежних условиях данная стратегия ответа была вполне эффективной, поэтому действуют факторы инерции и безальтернативности, то, что можно назвать *ловушкой успешных стратегий*;

– в-третьих, в сложившейся конъюнктуре лица и группы, занимающие ключевые социальные позиции, могут получать положительное подкрепление от реализации неадекватного ответа в течение некоторого периода, несмотря на то, что в масштабе социального целого и в более долгой временной перспективе данная стратегия деструктивна.

Любой серьезный кризис может пониматься как многократно усиленный вызов, требующий ответа уже не просто для восстановления прежнего уровня социального благополучия и комфорта, а для сохранения целостности (общества, государства, союза), для выживания. Разрушению подвергаются основные институты (управление, суды, рынки) и сообщества, практики, поддерживающие социальную и технологическую инфраструктуру (транспорт, связь, теплоснабжение, образование, медицина и прочее).

При успешной мобилизации и консолидации стабильность восстанавливается (фазовый переход $4 \rightarrow 1$ на рис. 3), могут даже появиться новые перспективы развития (см. ниже). Однако успех отнюдь не гарантирован. Поэтому эскалация кризиса и конфликтов может привести к обрыву в мегатенденцию «колодец» и распаду системы (например, империи, государства, альянса) – *фаза 7* (рис. 4).

Итак, есть два главных пути выхода из кризисов такого рода:

• *преодоление кризиса* благодаря нахождению одной из коалиций адекватного ответа, ее победе и консолидации вокруг нее остальных акторов;

• *эскалация кризиса*, соскальзывание к мегатенденции «колодец» и государственному распаду, после чего оставшиеся заселенные территории либо отделяются друг от друга (образуют отдель-

ные общества со своей динамикой), либо подпадают под контроль других обществ, либо вновь одна из коалиций побеждает, находит адекватный ответ, объединяет вокруг себя большинство акторов, восстанавливает контроль над территориями, заново выстраивает государственность.

Мегатенденция «колодец» – это особая тренд-структура (взаимосвязь факторов, обычно изображаемая ориентированным графом), которая включает несколько контуров взаимоусиления между тенденциями упадка и разрушения. «Включение» мегатенденции «колодец» (то есть замыкание деструктивных контуров) соответствует «точке невозврата», когда никакими действиями уже нельзя остановить ускоряющийся и углубляющийся распад системы.

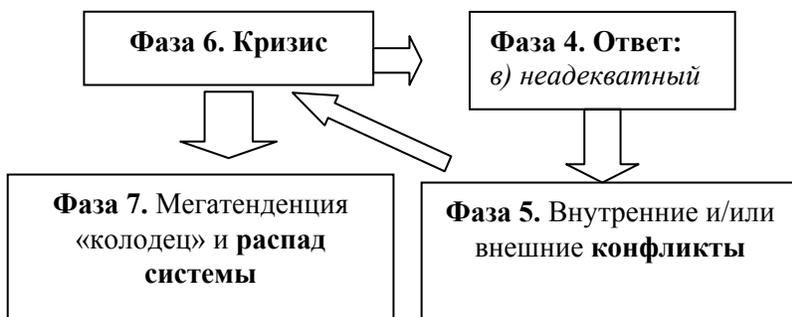

Рис. 4. Деструктивный контур, ведущий к распаду системы

Заметим, что распад социальной системы не означает полного уничтожения людей, поселений, отдельных структур, институтов и практик, хотя потери по всем этим и другим пунктам могут быть впечатляющими (например, 1917–1918 гг. в России, 1911–1949 гг. в Китае).

Очевидно, что у «колодца» всегда есть свое «дно». Покончив с общественными и оставленными бывшими владельцами ресурсами, силовые группы начинают представлять опасность для населения, грабить его, делить зоны контроля и т. п. В такой ситуации всегда быстро растет общее стремление хоть к какому-то порядку, способному обеспечить повседневную безопасность. Этот порядок могут принести внешние завоеватели или миротворческие войска международных организаций, может возникнуть новая коалиция с адекватными ответами, наконец, на достаточно долгое время может

установиться патовая ситуация раздела зон контроля между несколькими силовыми структурами (вождествами, политиями, отрядами полевых командиров и т. п.), как это уже в наше время случается в Афганистане, странах Центральной Африки и Южной Америки.

Вся ситуация социального и политического распада (*фаза 7*) далее трактуется как многомерные вызовы (*фаза 3*) для оставшихся акторов, то есть дееспособных групп – центров потенциальной кристаллизации новых стратегий. Если каким-то группам удастся существенно расширить влияние и контроль над территорией и населением, то только за счет адекватных ответов.

Масштаб и успешность экспансии последних процессов могут быть разными. При некоторых условиях части распавшейся системы обретают самостоятельность (превращение империй в группы национальных государств, распад СССР в 1991 г.). Тогда уже каждую новую целостность следует рассматривать в аспекте фаз 1–4 (стабильность, факторы динамики, вызовы и ответы) (рис. 5).

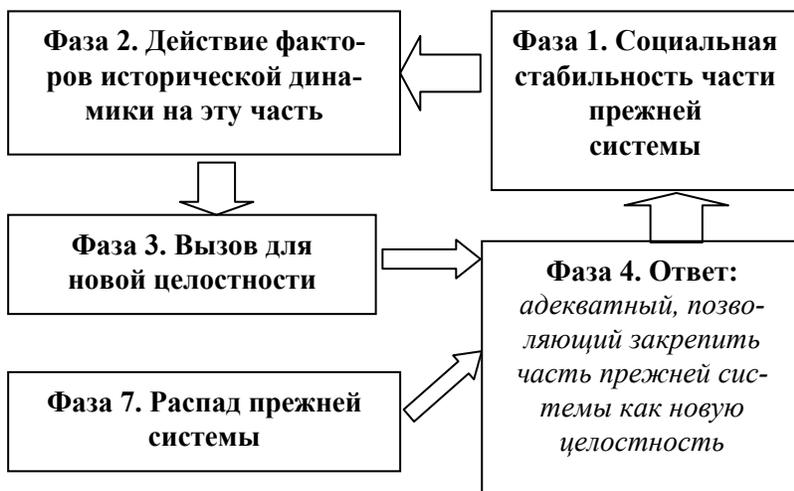

Рис. 5. При некоторых условиях части распавшейся системы закрепляются как новые целостности

При других условиях некий новый центр мобилизации и экспансии может восстановить целостность системы, но обычно уже на других началах (новые режимы после Французской [1789–1794 гг.], Китайской [1911–1948 гг.], Русской [1917–1922 гг.]) ре-

волюций. Так, в России Советская республика большевиков и Белое движение стали главными центрами нового роста. Друг для друга они стали главными вызовами (*фаза 3*), военная мобилизация с обеих сторон была ответами (*фаза 4*). Гражданская война стала очередной формой конфликта (*фаза 5*), а победа одной из сторон (большевиков в нашем примере) стала следствием ее адекватных мобилизационных и пропагандистских стратегий в ответ на военно-политический вызов⁴.

Перспективные ответы – путь к расцвету и социальному ароморфозу

Перспективный адекватный ответ (4г), помимо преодоления негативных эффектов вызова, выхода из кризиса, дает начало новым формам консолидации (социальным структурам), открывает доступ к новым ресурсам, позволяет привлекать новых и новых сторонников (расширять социальную базу движения), ведет к появлению новых тенденций роста.

Перспективность ответа так же, как и адекватность, определяется соответствием между главными структурными характеристиками объективных обстоятельств, имеющегося человеческого, институционального, материального потенциала и основным вектором движения, способом организации сотрудничества.

Разнообразие как обстоятельств, так и ответов необозримо, но можно предполагать, что каждый перспективный ответ включает удачное сочетание элементов из всех четырех онтологических сфер: социальной, психологической, культурной и материальной (Розов 2004):

- 1) новые организации и институты в социосфере – формы консолидации, мобилизации, рекрутирования новых сторонников;
- 2) эмоциональное, наглядное, интеллектуальное воздействие на образы, ситуации, установки, интересы разных групп в психосфере;
- 3) использование старых и порождение новых символов и стереотипов в культуросфере;

⁴ Судя по всему, успех был в большей мере обусловлен прогрессизмом и эгалитаризмом большевистской пропаганды, распределительными обещаниями, символами нового будущего справедливого мира, воспринятыми рабочими и солдатскими (вчерашними крестьянскими) массами, тогда как Белое движение ничего толком, кроме возврата к прежнему ненавистному порядку, предложить не могло.

4) использование доступных материальных средств и ресурсов, свойств окружающей среды в биотехносфере.

Анализ факторов выбора (конструирования) перспективных ответов – большая самостоятельная проблема.

Перспективный ответ обуславливает переход к следующей фазе 8 «Социальный резонанс»: здесь интересы, установки и стереотипы влиятельных групп, широких масс связываются с выбранным направлением ответа, соответствующими социальными структурами, новыми символами, что часто персонифицируется в фигуре и имени лидера (рис. 6).

Основа социального резонанса – положительное подкрепление для влиятельных групп и расширяющегося круга сторонников от результатов выбранного направления деятельности. В фазе социального резонанса все альтернативные ответы либо отбрасываются, либо становятся подчиненными, дополнительными частями главного магистрального ответа.

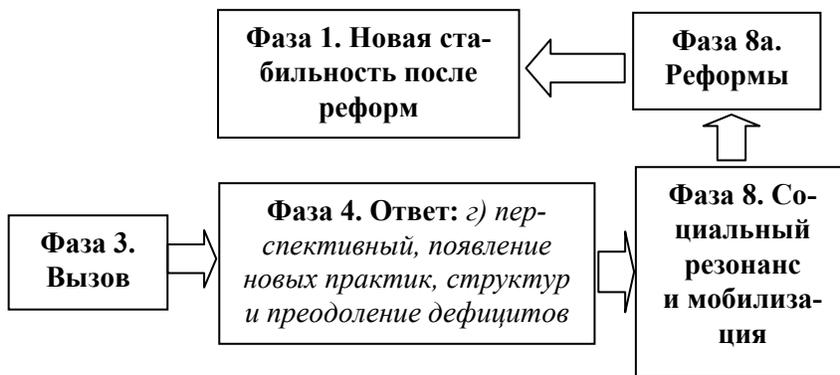

Рис. 6. Контур установления новой стабильности после крупных реформ, проведенных в течение поколения (25–30 лет) целостности

Основа успеха ответа на вызов состоит в совокупности взаимоподкрепляющих видов деятельности и поведения. Естественным порядком или целенаправленно происходит *реформирование* системы (фаза 8а на рис. 6). Социальный резонанс может длиться месяцы и годы. Критическим моментом является смена поколений (25–30 лет). Продолжится ли ответ, когда уходят отцы и на ключевых позициях оказываются представители нового поколения?

Главные факторы лежат на поверхности:

- во-первых, характер проведенных реформ – ведут ли они к продолжению начатой динамики или закрепляют новую стабильность;
- во-вторых, способность/неспособность новых социальных структур и практик, составляющих основу ответа, к рекрутированию молодежи и самовоспроизводству;
- в-третьих, наличие/отсутствие достаточных ресурсов для продолжения ответа, а при дефиците ресурсов – способность или неспособность акторов адекватно ответить на этот новый вызов.

При неблагоприятных условиях реформы закрепляются, но социальный резонанс угасает вместе со своим поколением. Для макроистории и социальной эволюции гораздо большее значение имеют продолжающиеся в поколениях ответы – динамические стратегии. Рассмотрим теперь эту возможность (рис. 7).

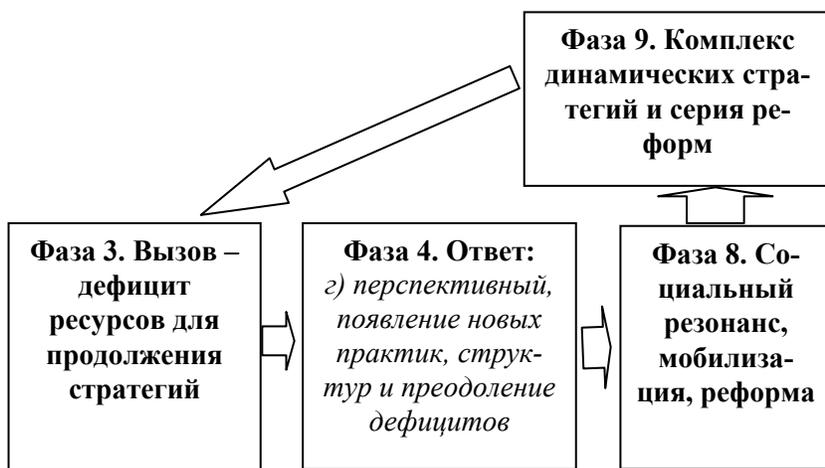

Рис. 7. Контур развертывания и обеспечения динамических стратегий

Динамическая стратегия – совокупность согласованных стратегий и практик с единой объективной ориентацией и таким накоплением результатов, что в течение двух или более поколений они становятся плацдармом (ресурсами, средствами, возможностями) для продвижения в том же направлении.

Термин «динамическая стратегия» принадлежит австралийскому экономическому историку Г. Снуксу (Snooks 1996), который выделял завоевательную, технологическую, коммерческую и демографическую стратегии. Позже были выделены и описаны 2 типа (интенсивные и экстенсивные), к снуксовским четырем добавлены еще три класса (социоинженерные, культурные и стратегии ресурсного перехода). Соответственно получается набор из $(4 + 3) \times 2 = 14$ динамических стратегий, поскольку стратегия каждого класса может быть как интенсивной (на той же территории с тем же населением), так и экстенсивной (с расширением на новые территории и новое население) (Розов 2002: гл. 3).

Динамические стратегии ведут к многообразным тенденциям роста (рост производства, торговли, богатства, населения, могущества, контролируемой территории, престижа, привлекательности и т. д.). Известно, что *всякий рост обуславливает рост потребности в ресурсах*, соответственно приводит к новым вызовам и необходимости находить новые адекватные ответы. Отсюда следуют два принципиальных сценария:

1) свертывание динамической стратегии, когда ресурсов недостаточно, новые вызовы не преодолеваются, тенденции роста приводят к росту дефицитов, что снижает сам рост, то есть устанавливаются отрицательные обратные связи между тенденциями;

2) развертывание комплекса динамических стратегий, когда получен доступ к изобильным ресурсам, новые вызовы преодолеваются новыми обеспечивающими стратегиями (соответственно эффективными социальными структурами и практиками).

Надежный и длительный успех сопровождает не изолированные стратегии, но комплексы стратегий, что можно показать на двух почти наглядных примерах: завоевательной и экстенсивной коммерческой стратегии (создания на новых территориях новых рынков сбыта и производств). Как завоевания, характерные для империй, так и геоэкономическая экспансия, характерная для современного капитализма, успешно продолжают в течение двух и более поколений, только если сопровождаются социоинженерной (создание полицейских, налоговых, судебных, финансовых структур и служб) и культурной (распространение религии, идеологии, образования, стандартов материального и духовного потребления) динамическими стратегиями.

Именно успешный комплекс динамических стратегий переводит систему в фазу 10 Мегатенденция «лифт» – социальный ароморфоз⁵ – тренд-структуру с контурами положительной связи между тенденциями роста при слабости (блокировании) тормозящих негативных связей (рис. 8). Многогранный подъем и расцвет («европейское чудо», «японское чудо» и т. д.) происходят благодаря действию этих мощных всеохватных механизмов.

Рис. 8. Контур крупных эволюционных скачков (прогрессивных революций, социальных ароморфозов)

«Лифт», вообще говоря, может остановиться на любом «этаже роста» как раз вследствие появления непреодолимых дефицитов, активации негативных связей и т. д. Не исключены и обратные движения (зримые памятники – брошенные в джунглях Азии ги-

⁵ Социальный ароморфоз – «понятие, которым объединяются универсальные (широко распространенные изменения) инновации в развитии социальных организмов и их систем, повышающие сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ, способствующих формированию и прогрессивному развитию надобщественных систем разного уровня» (Гринин, Коротаев 2008б: 8).

гантские дворцы и храмы, остатки оставленных городов и погибших империй). Однако есть некий порог необратимости, суть которого предстоит исследовать. При достижении этого порога осуществляется еще один – крайне важный для макроистории (социальной эволюции) – фазовый переход.

В некоторых случаях фаза «*Лифт-ароморфоз*» делает общество образцом для подражания других обществ, становится эволюционно необратимой. Тогда это явление *исторической динамики* обретает статус явления *социальной эволюции* и макроэволюции (ср.: Гринин, Коротаев 2008а; 2008б). Такие феномены называются также эволюционным скачком, прогрессивной революцией (неолитическая, военная, промышленная, научно-техническая революции), генезисом (антропогенез, политогенез, рождение цивилизации). Самим этим трансформациям посвящена особая модель (Розов 2002: гл. 5).

Все имеет свой конец, в том числе и «чудеса» массового эффективного творчества. Коварную роль играет само сформировавшееся и широко распространенное «чувство уверенности в завтрашнем дне», особенно сильно проявляющееся при смене поколений. Как бы ни был велик потенциал всегда необходимых материальных, экономических ресурсов, именно он оказывается ограниченным. Есть два основных выхода из фазы «лифта» и социального ароморфоза.

Если сокращение требуемых ресурсов происходит постепенно, отдача от многих стратегий и практик снижается, тогда становятся меньше массовые усилия, направленные на рост, творчество и развитие, усиливаются отрицательные обратные связи, вся система обретает равновесие и переходит в *фазу стабильности* (возврат к *фазе 1*, но на новом витке «спирали»).

Если сокращение ресурсов обнаруживает себя быстро и драматично, особенно на фоне больших вложений разного рода, сделанных при уверенности в продолжении роста, то начинают мощно действовать базовые факторы динамики, переводящие систему к *фазе 3 «Вызов»* или даже к *фазе 6 «Кризис»*. Таковы демографические кризисы (не хватает продовольствия), кризисы перепроизводства (не хватает спроса на продукцию), кризисы потребительского общества (не хватает стимулов для самодисциплины и ответственности подрастающих поколений), финансовые кризисы (не хватает

реальной экономики для вздувшихся «пузырей» кредитов и спекулятивных капиталов) и т. д.

Почти все рассмотренные фазы и контуры могут быть представлены на одной синтетической схеме (рис. 9).

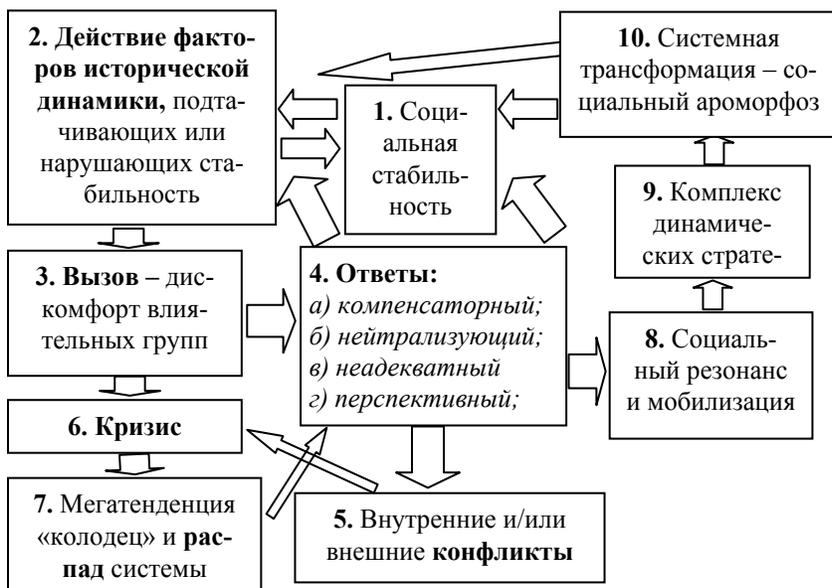

Рис. 9. Универсальная модель исторической динамики в полной версии

Можно ли Россию измерить этим «общим аршином»? Если уж пытаться понять Россию умом, то придется мириться и с «аршином», другое дело, что разные модели, концепты в разной степени пригодны для этого. Пока же обратим внимание, что в российской истории без особого труда обнаруживаются почти все фазы: периоды стабильности, выход из равновесия, вызовы и разнообразные ответы, острые конфликты, кризисы и государственные распады, времена почти всеобщего энтузиазма, осуществление комплекса динамических стратегий, резкие революционные скачки. Гораздо труднее найти полновесную фазу мегатенденции «лифт»⁶. Причины того, что при всех талантах народов России, при ее неос-

⁶ Разве что экономическое развитие первой трети XIX в. как отсроченное следствие реформ Екатерины II может с некоторыми оговорками претендовать на эту роль.

поримом потенциале никак не удается устойчивый самоподдерживающий рост, крайне важны для макросоциологического понимания природы российской исторической динамики и для разработки стратегий ее развития. К этому вопросу мы еще будем возвращаться, а сейчас осветим методологическую роль построенной модели.

Универсальная модель – средство синтеза макросоциологических теорий

Определим статус нашей модели. Она является, бесспорно, *эвристической моделью*: не описывает какой-либо фрагмент реальности, сама по себе не обладает объяснительной силой, поскольку условия фазовых переходов не специфицированы, зато способствует целостному осмыслению обширных групп исторических процессов и явлений, кроме того, позволяет задавать полезные вопросы, эмпирические и теоретические ответы на которые уже могут превратиться в объяснительную модель (концепцию, теорию).

Модель является скорее *системной*, чем предметной, поскольку может использоваться в анализе не одного предмета (например, общества), а социальных целостностей разного масштаба (город, провинция, военно-политический союз, миросистема, международное сообщество). Вполне можно допустить, что при некоторых модификациях универсальная модель пригодна и для анализа антропогенеза, эволюции отдельных видов животных (упадок и гибель социальной системы сопоставимы с исчезновением вида, системная трансформация – с происхождением новых видов). Таким образом, направления заимствования вовсе не обязательно должны идти от концепций биологической эволюции к социальной, также возможен и обратный вектор идейной диффузии.

Модель является комбинированной – *дискурсивно-графической*, причем графическая часть представляет собой модель фазовых переходов. При этом в разных блоках модели (фазах) подразумеваются разного типа *тренд-структуры*: равновесные в фазе стабильности, мегатенденция «колодец» в фазе распада, мегатенденция «лифт» как результат успешного комплекса динамических стратегий и т. д. Кроме того, «упадок» и «скачок» подразумевают продвижение в некотором *параметрическом пространстве* (Розов 2009: ч. 3).

Предельно общая рамка для осмысления в единой системе понятий разнообразия процессов динамики разных масштабов, разных мест и времен, а также эволюционных сдвигов во Всемирной истории имеет самостоятельную ценность. Однако главное предназначение модели состоит в другом.

Представленная выше универсальная модель исторической динамики является не только общей рамкой, но также удобным и компактным способом сопряжения весьма обширного (и открытого для дальнейшего расширения) круга уже существующих более частных моделей и теорий. За каждым блоком (фазой) модели и за некоторыми переходами стоит свой набор концептов. Приведем краткое, далеко не полное перечисление:

Фаза 1 «Социальная стабильность»: хозяйственные уклады, способы производства и формации (по К. Марксу), социальные системы, структуры и функции (по Б. Малиновскому и Т. Парсонсу), политические, социальные режимы как совокупности воспроизводящихся структур и рутинных процессов (по Й. Гудсблomu и Ф. Спиру [Goudsblom 1996; Spier 1996]), функционирование социальных и политических институтов в разных версиях неoinституционализма (Холл 2006).

Фазы 2 «Факторы исторической динамики», 3 «Вызов» и 6 «Кризис»: концепция вызовов А. Тойнби (Тойнби 1991), модели перенаселенности и депопуляции как кризисогенных факторов в исторической демографии, всевозможные модели экономических циклов, кризисов и роста социальной напряженности (Baran 1957; Бродель 1992; Шумпетер 1995 и др.), модели социоестественной истории и экологических кризисов (Carneiro 1970; Harris 1977; Кульпин 1992), макроистория болезней и окружающей среды (McNeill 1979; Crosby 1986), геополитика и политический реализм в теории международных отношений, модели технологического обмена и диффузии в связи с международной политикой (Bulliet 1975; Headrick 1981; Ralstone 1990).

Фаза 4 «Ответ»: типология «ответов» (по А. Тойнби), широкий спектр моделей рационального выбора, концепция QWERTY (предопределенность выбора пути прежней траекторией – модель «колеи» [Цирель 2005]), синергетические концепции бифуркации, концепции культурной и цивилизационной дивергенции (Pomeranz 2000; Лал 2006).

Фазы 5 «Конфликты» и 7 «Мегатенденция “колодец” и распад системы»: концепции социальных конфликтов (Boulding 1962; Collins 1975), модели крушения империй (Collins 1999; Турчин 2007; Tainter 1988; Kennedy 1987), теории революции и государственного распада (К. Маркс, В. Ленин, Л. Троцкий, а также: Moore 1966; Skocpol 1979; Luttwak 1979; Goldstone 1991).

Фазы 8 «Социальный резонанс и мобилизация», 8а «Реформы» и 9 «Комплекс динамических стратегий»: концепции солидарности (Э. Дюркгейм), харизмы и легитимности (М. Вебер), «пассионарности» (Л. Гумилев), эмоциональной энергии и интерактивных ритуалов (Р. Коллинз), модели групповой и массовой мобилизации (Ч. Тилли), концепции реформ и модернизации, теория динамических стратегий (Г. Снукс) (Вебер 1990; Коллинз 2002: гл. 1; Collins 2004; Tilly 1978; Snooks 1996).

Фаза 10 «Мегатенденция “лифт” – социальный ароморфоз»: концепции смены формаций (К. Маркс), социальной эволюции (White 1975; Carneiro 1970; Claessen, Skalnik 1978), модернизации и перехода к постиндустриальному обществу (Белл 1999; Кастельс 2000), демократического транзита (Липсет и др. 1993; Растоу 1996; Пшеворский 2000; Huntington 1991), социального ароморфоза (Гринин, Коротаев 2008а; 2008б).

В настоящее время вследствие диверсификации областей исследования и высокой специализации данные концепции слабо соотносятся между собой или вообще никак не связаны, притом что сами исследователи повторяют обычные мантры о вреде самоизоляции и пользе теоретического синтеза. Представленная выше универсальная модель служит не только рамкой крупномасштабного осмысления процессов и явлений макроистории, но и «местом встречи», потенциальным инструментом синтеза весьма разнородных исследовательских подходов и парадигм.

Литература

Белл, Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество*. М.: Academia.

Бродель, Ф. 1992. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.*: в 3 т. Т. 3. *Время мира*. М.: Прогресс.

Вебер, М. 1990. *Избр. соч.* М.: Прогресс.

Гринин, Л. Е. Коротаяев, А. В.

2008а. История и макроэволюция. *Историческая психология и социология истории* 2: 59–86.

2008б. Макроэволюция и Мир-система: новые грани концептуализации. *История и современность* 1: 3–31.

Дюркгейм, Э. 1998. Элементарные формы религиозной жизни. Введение. Гл. 1. В: Красников, А. Н. (сост., общ. ред.), *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения*. М.: Канон+.

Кастельс, М. 2000. *Информационная эпоха*. М.: СЕУ.

Коллинз, Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Коротаяев, А. В. 1997. *Факторы социальной эволюции*. М.: ИВ РАН.

Коротаяев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А. 2005. *Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны*. М.: КомКнига.

Кульпин, Э. С. 1992. *Социоестественная история: предмет, метод, концепции*. М.: Открытый университет.

Лал, Д. 2006. *Непреднамеренные последствия*. М.: ИРИСЭН.

Липсет, С., Сен, К.-Р., Торрес, Дж. 1993. Сравнительный анализ социальных условий, необходимых для становления демократии. *Международный журнал социальных наук* 3.

Нефедов, С. А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГГУ.

Пшевровский, А. 2000. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН.

Растоу, Д. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели. *Полис* 5: 5–15.

Розов, Н. С.

2002. *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Пролегомены*. М.: Логос.

2004. Онтология научного знания: можно ли пройти между Сциллой платонизма и Харибдой социологизма? *Вестник НГУ. Серия «Философия и право»* 2(1): 5–17.

2009. *Историческая макросоциология: методология и методы*. Новосибирск: НГУ.

2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.

Тойнби, А. 1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

Турчин, П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/УРСС.

Холл, П. 2006. Политическая наука и три новых институционализма. *Ойкумена* 4: 48–76.

Цирель, С. В. 2005. «Qwerty-эффекты», «path dependence» и закон иерархических компенсаций. *Вопросы экономики* 8: 19–26.

Шумпетер, Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

Baran, P. 1957. *The Political Economy of Growth*. N. Y.: Monthly Review Press.

Boulding, K. 1962. *Conflict and Defence*. N. Y.: Harper & Row.

Bulliet, R. W. 1975. *The Camel and the Wheel*. Cambridge: Mass. Harvard University Press.

Carneiro, R. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

Claessen, H. J. M., Skalnik, P. (eds.) 1978. *The Early State*. The Hague; Paris; N. Y.: Mouton.

Collins, R.

1975. *Conflict Sociology*. N. Y.: Academic Press.

1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press.

2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

Crosby, A. W. 1986. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge: Cambridge University Press.

Goldstone, J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

Goudsblom, J. 1996. Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology. In Goudsblom, J., Jones, E., Menzel, S. (eds.), *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. Armonk, NY: M. E. Sharp.

Harris, M. 1977. *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*. N. Y.: Random House.

Headrick, D. 1981. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*. N. Y.: Oxford University Press.

Huntington, S. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman; London: University of Oklahoma Press.

Kennedy, P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N. Y.: Random House.

Luttwak, E. 1979. *Coup d'Etat. A Practical Handbook*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

McNeill, W. 1979. *Plagues and Peoples*. Harmondsworth: Penguin.

Moore, B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Pomeranz, K. 2000. *The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton University Press.

Ralston, D. B. 1990. *Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques into Extra-European World, 1600–1914*. Chicago: Chicago University Press.

Skocpol, T. 1979. *States and Social Revolutions*. N. Y.: Cambridge University Press.

Snooks, G. 1996. *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. London; N. Y.: Routledge.

Spier, F. 1996. *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Tainter, J. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press.

Tilly, C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Adison-Wesley.

White, L. 1975. *The Nature of Cultural Systems*. N. Y.